

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Морозко

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту её журила, рано будила и всю работу на неё свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды^[1] творила, избу мела и всё убирала ещё до́свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала:

– Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе.

Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить^[2] и дочерям её услужить; но сёстры, глядя на мать, Марфушу во всём обижали, с нею вздорили^[3] и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил её за то, что была послушная^[4] да работающая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чём слова не перекорила^[5]; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочери её ленивицы и

упрямицы.

□ Вот наши старики стали думу думать: старик – как бы дочерей пристроить, а старуха – как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику:

– Ну, старик, отдадим Марфушу замуж.

– Ладно, – сказал старик и побрёл себе на печь; а старуха вслед ему:

– Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери своё добро в коробейку да накинь белую исподку^[6]: завтра поедешь в гости!

Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут её в гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, всё собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка – хоть куда невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

□ Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвёл ко крыльцу; сам пришёл в избу, сел на коник^[7] и сказал:

– Ну, я всё изладил!

– Садитесь за стол да жрите! – сказала старуха.

Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница^[8] была на столе, он вынул челпан^[9] и нарушал^[10] хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала:

– Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагладелась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, – знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка.

Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а

девка завывала.

– Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды^[11] и берёзы в пуху; житьё-то завидное, да и сам он богатырь!

□Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк^[12] и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал – не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал:

– Сиди и жди жениха, да мотри – принимай ласковее.

А после заворотил лошадь – и домой.

□Девушка сидит да дрожит; озноб её пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на ёлке потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает да пощёлкивает. Очутился он и на той сосне, под коёй дэвица сидит, и сверху ей говорит:

– Тепло ли те, дэвица?

– Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!

Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощёлкивать. Мороз спросил дэвицу:

– Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная?

Дэвица чуть дух переводит, но ещё говорит:

– Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!

Мороз пуще затрещал и сильнее защёлкал и дэвице сказал:

– Тепло ли те, дэвица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?

Дэвица окостеневала и чуть слышно сказала:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал дэвицу шубами и отогрел одеялами.

□Старуха наутро мужу говорит:

– Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашёл её живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на´воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и дэвица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья.

– Э, сука, не обманешь меня.

□Вот спустя немного старуха говорит старику:

– Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их ещё не так одарит!

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путём оставил девок под сосною. Наши дэвицы сидят да посмеиваются:

– Что это у матушки выдуманно – вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен чёрт приедет, и не знаешь какой!

□Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко.

– Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженный не приедет, так мы здесь околеем^[13].

– Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед^[14] на дворе.

– А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмёт?

– Не тебя ли, дурище?

– Да, мотри, тебя!

– Конечно, меня.

– Тебя! Полное тебе цыганить^[15] да врать!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши дёвицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

– Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся^[16], поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

– Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмёт!

Так дёвицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали:

– Да кой хранци^[17]! Что долго нейдёт? Вишь ты, посинела!

□ Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с ёлки на ёлку поскакивать да пощёлкивать. Дёвицам слышалось, что кто-то едет.

– Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцом.

– Поди прочь, сука! Я не слышу, меня мороз обдирает.

– А ещё замуж нарохтишься^[18]!

И начали пальцы отдувать. Морозко всё ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над дёвицами. Он дёвицам говорит:

– Тепло ли вам, дёвицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?

– Ой, Морозко, больно студёно! Мы замёрзли, ждём суженого, а

он, окаянный, сгинул.

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощёлкивать.

– Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?

– Поди ты к чёрту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмёрзли.

Морозко ещё ниже спустился, сильно приударил и сказал:

– Тепло ли вам, девицы?

– Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный! – и девушки окостенели.

□Наутро старуха мужу говорит:

– Запряги-ка ты, старик, пошевёнки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало^[19]. Чай девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, воровёй^[20], старый хрыч!

Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мёртвыми. Он в пошевёнки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала:

– Что детки?

– В пошевнях.

Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мёртвыми нашла.

□Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила:

– Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя хватом прибью, кочергой зашибу!

– Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямыцы! Коли я виноват? Ты сама захотела.

Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сосед, свадьбу сыграли, и Марфуша счастливо живёт. Старик внучат Морозком страшал и упрямыться не давал. Я на свадьбе был, мёд-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

[1] – Уборы, женские платья.

[2] – Приноровиться, прийти по нраву.

[3] – Ссорились.

[4] – Послушная.

[5] – Не поперечила.

[6] – Чистую рубаху.

[7] – Коник – ларь для спанья, крытая лавка в красном углу, под образами.

[8] – Круглая коробка, лукошко с крышкой для держания хлеба.

[9] – Непочатый каравай хлеба, пирог без начинки.

[10] – Нарезал.

[11] – Верхние слои сосны.

[12] – Крестьянская баранья шуба.

[13] – Замёрзнем.

[14] – Обеденная пора, полдень.

[15] – Насмехаться.

[16] – Ругательное слово, прилагаемое людям сварливым и вздорным: тряся – лихорадка.

[17] – Бранное выражение.

[18] – Собираешься, хочешь

[19] – Покрывало, одеяло.

[20] – Проворнее, скорее.

Загрузка...